

Книги А. С. Байетт,
опубликованные
Издательством «Азбука»

КВАРТЕТ ФРЕДЕРИКИ

Дева в саду
Живая вещь
Вавилонская башня
Та, которая свистит

Обладать
Детская книга
Ангелы и насекомые
Чудеса и фантазии
Призраки и художники

А.С. БАЙЕТТ

Издательство «Азбука»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Б 18

A. S. Byatt
A WHISTLING WOMAN
Copyright © 2002 by A. S. Byatt
All rights reserved

Перевод с английского Валентина Фролова
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.
Иллюстрация на обложке Ирины Дудиной

ISBN 978-5-389-25745-0

© В. И. Фролов, перевод, 2025
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

Пожалуй, самое важное, что можно сказать о моих книгах, это что приключения интеллекта играют в них не меньшую роль, чем наблюдения за обществом и отношениями между людьми. Меня восхищает — и возбуждает — любое интеллектуальное любопытство (естественнонаучное, языковое, психологическое), а также литература как сложная, огромная, взаимосвязанная система. Сочинительство и теоретические рассуждения для меня суть проявления страсти, как и любая другая человеческая деятельность.

A. C. Байемт

Леди Антония — один из величайших британских литераторов; поставить рядом с ней практически некого.

Atlanta Journal-Constitution

В ее историях дышит тайна, живет страсть, пульсирует древняя магия.

Marie Claire

Эта теплая, эксцентричная, ностальгическая, интеллектуальная сага о друзьях и семье рисует достоверный портрет Британии 1960-х.

St. Louis Post-Dispatch

Приключения тела и разума, напоенные энергией и жизненной силой. Для взыскательного читателя — восторг от первой до последней страницы.

Scotsman

Нечасто приходится видеть, чтобы британский писатель осмелился продолжить с того места, на котором остановилась Вирджиния Вулф, и госпожа Байетт — отрадное исключение.

New York Times

Байетт выстраивает сюжет, занимательный, как классический детектив, но в первую очередь читателя поражает запредельное качество письма: живой, чувственный язык, стройная система метафор, естественная игра ума.

Literary Review

Масштабная, хитро устроенная и неудержимо занимательная история о лихорадочных экспериментах и поиске новых путей, об интеллектуальном любопытстве, искрящем в зазоре между идеями и религией, наукой и телевидением, истеблишментом и анархией, контркультурой и традиционными академическими структурами, визионерством и безумием.

The Observer

Возбуждающий, берущий за душу роман, полный научных открытий и этических конфликтов.

Vanity Fair

Смелая, остроумная и абсолютно живая дань памяти бурным 1960-м.

Entertainment Weekly

Завершая великолепный «Квартет Фредерики», Байетт в увлекательном сюжете реализует свое привычное «восхищение любым интеллектуальным любопытством».

Independent

Антония Байетт — английская достопримечательность, как Тэтчер, Тауэр и файф-о-клок.

TimeOut

Интеллект и кругозор Байетт просто поразительны.

Times Literary Supplement

Байетт препарирует своих персонажей решительной рукой, но бережно: как добрый хирург — скальпелем.

Тони Моррисон

(лауреат Нобелевской премии по литературе)

Роман идей, метафор и многочисленных аллюзий... Идеальный финал нашей любимой тетралогии.

The Economist

Здесь, как и во всех лучших книгах Байетт, груз интеллектуальных вопросов кажется почти невесомым благодаря изящно закрученному сюжету и сложным, неоднозначным, бесконечно близким читателю персонажам.

The Baltimore Sun

Байетт не умеет писать скупно. «Квартет Фредерики» — богатейшее полотно, где каждый найдет что пожелает: подлинный драматизм, пестрые капризы истории, идеи, над которыми стоит поломать голову... Едкий юмор, крепкий сюжет, персонажи, которым сочувствуешь, и, конечно, великолепный язык.

The Times

Настоящий пир для литературных гурманов. Препарируя человеческие страсти и конфликты, Байетт закручивает интригу похлеще любых детективов.

Daily Telegraph

Роман открывает новые пути и полон новой энергии. Пружина сюжета раскручивается неумолимо, внушительный ансамбль персонажей работает как часы.

Spectator

Всепоглощающий, поистине головокружительный читательский опыт.

Washington Post Book World

Выдающийся роман идей и эксперимент в области культурной палеонтологии. Эта книга не просто свистит, а поет.

The Atlanta Journal-Constitution

С характерной щедростью, едкостью и мудростью Байетт пытается ответить ни больше ни меньше как на вопрос: что это вообще значит — быть человеком?

Vogue

Острый критический взгляд и подлинная эмпатия, грандиозный охват и внимание к мельчайшим деталям, эмоциональная прямота и прихотливая интеллектуальная игра...

Miami Herald

Байетт на пике формы. Она, как никто, умеет высветить эпоху до мельчайших деталей. Мастерски используя все богатство

английского языка, она являет нам надежды и сомнения, поражения и победы героев, которые надолго запомнятся читателю.

Denver Post

Блистательные романы эпического масштаба, подобные удивительным живым гобеленам.

Entertainment Weekly

Богатое авторское воображение и неисчерпаемый набор литературных приемов гарантируют: скучать читателю не придется.

Philadelphia Inquirer

Захватывающие, прихотливо выстроенные, невероятно изобразительные романы.

Houston Chronicle

Только Байетт способна так непринужденно разбавить юмором атмосферу мрачного предчувствия, а деконструкцию классических произведений насытить романтикой и ревностью.

Charlotte Observer

Виртуозная демонстрация максимального стилистического диапазона, идеальный писательский слух.

San Jose Mercury News

Развернутые описания у Байетт резонируют подлинной поэзией.

The Philadelphia Inquirer

Единоличным, можно сказать, усилием Байетт опять выводит британскую литературу на первые роли.

Dallas Morning News

Литература для Байетт — удовольствие чувственное. Ее бунтари, чудаки и злодеи абсолютно достоверны. Не книги, а настоящее пиршество.

Town & Country

Романы для тех, кто не боится разгневаться, взволноваться и даже, возможно, обогатиться.

St. Louis Post-Dispatch

Творчество Байетт всегда отличали беспощадный ум и зоркая наблюдательность. Ее героев не спутаешь ни с чьими другими.

Orlando Sentinel

Только у Байетт обсуждение сложных философских вопросов может звучать так человечно, тепло и жизненно важно.

Scotsman

Поразительная внимательность к вещам и людям.

London Review of Books

Искусно и изобретательно Байетт режиссирует огромным «актерским составом», и каждый персонаж у нее — многогранная, вдумчивая личность.

Los Angeles Times Book Review

Антония Байетт — один из лучших наших писателей, умеющих насытить и ум, и душу.

Daily Telegraph

Байетт принадлежит к редким сегодня авторам (другой пример — Дон Делилло), для которых мир идей не менее важен, чем мир страстей человеческих... Байетт населяет свои книги думающими людьми.

The New York Times Book Review

Байетт, подобно Эросу, «вдыхает жизнь в застывший, неорганический мир» и побуждает нас влюбляться в язык снова и снова.

The Independent

Перед вами — портрет Англии второй половины XX века. Причем один из самых точных. Немногим из ныне живущих авторов удастся так щедро наполнить роман жизнью.

The Boston Globe

Байетт — Мэри Поппинс эпохи постмодерна. Чего только нет в ее волшебном саквояже! Пестрые россыпи идей: от Шекспира до Дарвина, от святого Августина до Фрейда и Витгенштейна. Яркие, живые характеры. И конечно, головокружительная смесь тем, загадок и языковых уловок.

Elle

«Квартет Фредерики» — современный эпос сродни искусно сотканному, богатому ковру. Герои Байетт задают главные вопросы своего времени. Их голоса звучат искренне, порой сбиваясь, порой достигая удивительной красоты.

Entertainment Weekly

Байетт — несравненная рассказчица. Она сама знает, о чем и как говорить, а нам остается лишь следить затаив дыхание за хитросплетениями судеб в ее романах.

Newsday

Мало кто сравнится с Байетт в мудрой зоркости к жизни.

Hartford Courant

Герои Байетт останутся с вами еще долго после того, как вы перевернете последнюю страницу.

New York Times

Читая русских писателей, многое понимаешь о том, что такое роман. Русская классика поразительна, и если читаешь ее в юности, кажется, что ты ничего похожего никогда не напишешь. Именно поэтому нельзя ее не читать — она открывает иные горизонты. Мне нравятся развернутые, сложные предложения, и я питаю самые нежные чувства к словам... Я пишу ради языка и еще — ради сюжета.

A. C. Байетт

Женщине свистать — что насадке летать:
Тоже негоже.

*Как любила говорить моя бабушка
по материнской линии*

— И как раз, когда я нашла самое высокое дерево в лесу, — продолжала Голубка (она уже кричала), — и как раз, когда уже стала надеяться, что вздохну хоть на минуту, — не тут-то было! Прямо с неба на меня сваливаются, проклятые! Ах ты, змея!

— Да я же не змея — говорят вам, — сказала Алиса. — Я просто... я просто...

— Ну что ж ты? Говори, говори! — насмешливо сказала Голубка. — Еще ничего не успела придумать, да?

— Я... я девочка, — сказала Алиса, не вполне уверенно, не будем скрывать: ей, бедняжке, вдруг сразу вспомнились все ее сегодняшние превращения.

— Так я тебе и поверила! — ответила Голубка с величайшим презрением. — Не мало повидала я на своем веку разных девочек, но чтобы у девочки была та-а-а-кая шея! Нет, не на дуру напала! Ты змея — вот кто ты такая!¹

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес

Здесь, возле струй, в тени журчащих,
Под сенью крон плодоносящих,
Душа, отринув плен земной,
Взмывает птахою лесной;
На ветку сев, щебечет нежно,
Иль чистит перышки прилежно,
Или, готовая в отлет,
Крылами радужными бьет².

Эндрю Марвелл. Сад

¹ Перевод Б. Заходера.

² Перевод Г. Кружкова.

I

— ...Это уж последнее дерево, — сказал дрозд.

То был приземистый терновник, ветки его под ветром сложились в щепоть, указующую в ту сторону, откуда они пришли.

— Прежде, — продолжал дрозд, — последним было другое дерево, подальше, а еще раньше вон там стоял чахлый лесок, все деревья от ветра скорчились. Пустошь наступает.

Они вгляделись в стальные сумерки. Пригорок, в который некогда впивался корнями лес, был едва различим.

— Сейчас туда никто ни ногой, — рассказывал дрозд. — В былое время до наступления зимы заходили. Но зимы сделались долгими. И люди боятся свиста. Когда светло, от них там прохода нет.

— Край, который мы ищем, лежит по ту сторону. Так выходит по ландкартам и летописям, — сказал Артегалл. — Отправимся в путь поскорее, покуда зима не настала.

— И покуда охотники нас не настигли, — добавил Марк.

— Не было примеров на моем веку, чтобы кто-то туда уходил или оттуда являлся.

Дрозд взъерошил пятнистые перья. Век дрозда, птички тщедушной, но густоперой, был не так чтобы очень долог, а границы его угодий не так чтобы очень обширны.

— Какова она, эта местность? — спросил Артегалл.

— Кустарник да камень, мох да лишайник, глубокие бочаги да заледеневшие реки. Зверье там, сказывают, белое, шныряет по снегу, прячется в норах. А в бочагах водятся

скользкие серые головастики. А лишайник там будто бы съедобный, только на вкус скверный. Но это с чужих слов, сам я там не бывал.

— А кто такие свисталы?

— Кто их увидит, тому конец. Чего там: и услышать их — опасность смертельная. Они летают, скользят по воздуху, словно серые тени, издают такой звук... такой...

— Какой?

— Сказывают, вроде свиста, пронзительный и такой тонкий, что, кажется, не всякое ухо расслышит, но слышат, похоже, все. Откликаются же собаки на такой свист, который ты и звуком не назвал бы. А эти твари — их голос проникает слух любого существа — человека и птицы, медведя и горной индейки. Проймет даже эту вашу каменную рептилию, даром что спит как убитая.

Артегалл взглянул на Камнедрака, который с самого праздника в Последней Деревне не подавал признаков жизни.

— Вот бы его пробудить, — сказал Артегалл. — Мне его совет не помешал бы.

— Если его разбудят свисталы, — отвечал дрозд, — не услышать тебе его совета. Одни косточки от тебя останутся, да и те обглоданные.

Они засветло соорудили близ последнего дерева навес и раскинули шатры. Ночь гудела и выла, в воздухе раздавался стеклянный перезвон и мерное гулкое уханье, в трепещущих сухих ветвях последнего дерева бушевал порывистый ветер. И еще один звук раздавался: пронзительный, вроде свиста, человеческого, нет ли — не понять. Говорят, рассказал Марк, черепахи и дельфины у себя в теплых голубых водах южных морей умеют переговариваться пением.

— А здесь ветер — клыки да когти, колет и режет, — сказала Доля Дрозди.

Они поужинали вяленным мясом и сладким изюмом: припасов почти не осталось, провизия истощалась быстро.

Полутру налетела и закружила пурга, даль заволокло пеленой мелкого сыпчатого снега. Стали совещаться, кому идти на разведку, кому оставаться на месте. Марк спросил Артегалла, не попадалась ли ему в географических книгах карта этих мест. Кое-какие карты Северной Империи он видел, ответил Артегалл: обширные пространства неясных очертаний, изображены также несколько рек и множество баснословных тварей, кто о двадцати лапах, кто с крючковатыми когтями. Начертание гласило: Белая Пустыня. Были там, помнится, одна-две тропинки, ведущие непонятно куда, и стрелки, указующие за северные пределы карты. Страницы были богато изукрашены по краям: узоры из золотых яблок, да багряного вишенья, да изумрудных листов винограда. И железные топоры, и жаркие искры.

Доль Дрозди припомнила Марку, как он, паж, насмехался над молодым принцем, когда в самом начале, еще на юге, тот, заточенный в учебном покое своей белой башни, усердно заучивал разные разности из книг по истории, географии, охотничьему делу. Как эти знания пригодились им в странствиях по лесам, помогли выслеживать добычу, добывать пропитание, как умение Артегалла говорить на других языках позволило им изъясняться с чужеземцами. Марк же научил принца ловить руками форель, добывать мед лесных пчел и, болтая в тавернах с солдатами, прикидываться простачком. Больше они не принц, служанка и мальчик для порки, а трое спутников, крепкие, зоркие, заматерелые, в звериных шкурах; они умеют растворяться в лесу, как лисы, укрываться в траве, как зайцы, пробегать по холмам волчьей побейкой.

При такой стуже продолжать путь ночью, по звездам — дело немыслимое, сказал Марк. И тут за воем ветра и стуком ветвей они первый раз различили свист: звук забирал вверх, снижался, и снова делался выше, выше, и вот уже раздавался в мозгу, минуя слух. И дрогнуло сердце у Доль Дрозди: угораздило ее, сумасбродку, завести двух зеленых юнцов на край света в поисках королевства, которое, может,

только в легендах и существует. И подумалось Марку, что дальше пути не будет: идти дальше — ослепнуть от снега или окоченеть от холода, а следом неотступно мчатся охотники, выгоняют их из убежища, как пернатую дичь. И подумал Артегалл: ужасный звук, еще немного — и мозг не выдержит. Но звук затих и перестал их терзать. И придумал Артегалл скатать из овечьего руна шарики и заткнуть уши, скрытые меховыми капюшонами.

Наутро мальчики пустились на разведку, а Доль оставили под деревом.

— Если мы через три дня не вернемся, ступай обратно, — велел ей Артегалл. — Тебя одну, без меня, солдаты не тронут.

— Вот еще! — возразила Доль. — Я тогда пойду за вами, и будь что будет. Я теперь следопыт бывалый.

В трескучий мороз мальчики пробирались по угрюмой заледенелой местности, поросшей однообразным кустарником, и через милю-другую убедились, что без помощи слуха не обойтись: хруст наста подсказывал, где под снегом скрываются глубокие рытвины, к тому же приходилось прислушиваться, не раздастся ли где треск ветвей, звук шагов, шелест крыльев. Среди зарослей можжевельника и вереска высмотрели они что-то вроде козьей тропы, которая делалась чем дальше, тем шире. Они побрели по ней, и Марк заметил по обочинам камни покрупнее: может, их тут нарочно разложили, чтобы никто не сбился с пути. Тучи сгущались, нависали все ниже и ниже. Мальчики осмотрели камни и обнаружили, что на них что-то выцарапано: не то стрела, не то трехпалая птичья лапа на одном камне, на другом. Если попадется еще один, решили они, надо будет вернуться за Доль, взять провизию и следовать этим путем. Поднялся ветер и обдал их колкой ледяной крупой. В этом ветре слышалось им пение. Поначалу они про это друг другу ничего не говорили — думали, так в голове отдаются шаги или пульсирует кровь. Наконец Марк спросил:

— Слышишь, как в ветре кто-то поет сладкозвучным голосом?

— Стало быть, и ты слышишь? — удивился Артегалл. — Голос тонкий, высокий, вроде флейты или чего-то такого.

— Может, это льдистое подобие миражей в пустыне?

— Может, голоса свистал?

— Или духов их жертв?

С трудом передвигаясь, побрели они дальше, тропинка становилась все неразличимее. Камни-указатели больше не попадались. Ветер выпаливал в путников мерзлым снегом.

Марк, шедший позади Артегалла, пробормотал:

— До чего заунывное пение... Сил нет, какое заунывное...

С этими словами он как подкошенный рухнул на снег.

Артегалл обернулся, и стройная мелодия у него в голове сменилась переливчатым свистом. Неловко перебирая пальцами в меховых перчатках, он достал шерстяные шарики, заткнул уши и опустил на колени возле тела друга. Но шерсть заглушила свист не вовсе, он превратился в шепот или тихий визг. И тут появились они: одно, два, три, пять, восемь, тринадцать, выплыли из полумрака, раскинув серые крылья, почти что сливаясь с тучами, вытянув, как лебеди в полете, точеные шеи, выставив позади, как цапли, длинные ноги, разрезая воздух кривыми, как ятаган, яркими клювами цвета червленого золота. Они опустились наземь, расселись вокруг путников, и Артегалл с ужасом увидел, что выше клюва у них лица человеческие: брови дугой, из-под них смотрят темные зоркие человеческие глаза, перья на макушке не то покрывают шевелюру, не то сбегает вниз длинными волосами, разметающимися по плечам; лапы, впившиеся когтями в мерзлые камни, — как у птиц, но выше колен — человеческие ноги, и заметно, что тела их, туго запахнувшие в серые крылья, тоже человеческие, женские, с высокой грудью и тонкой талией, поросшие белым пухом. Артегалл все видел и слышал, но пошевелиться не мог.

И пустились свисталы приплясывать: выпятили грудь, неловко переступали когтистыми лапами, кланялись, изгибали шею, так что она походила на грациозную змейку, указывали клювом на двух человеческих существ, застывших в густых сумерках на белой земле, — приплясывали и пели. Грозный свист не утихал, но за ним Артегалл различил пение, только слов не мог разобрать. Прислушался как к говору птиц — лишь гогот да шип. Прислушался как к женской речи — тарабарщина из обрывков слов. И увидел он, что звуки их песни льдистыми нитями опутывают тело приятеля, ткется из них стеклянистый саван и отвердевает стеклянным гробом. И чувствует он, что эта кудель спеленывает и его по рукам и ногам, и стряхнуть ее нету мочи. Шевельнулось в уме, что ему непременно надо постичь их язык, поговорить, иначе конец. Он принялся вслушиваться в пение так жадно, как ничего в жизни не слушал, и разобрал, что язык их — такое же чудовищное двуединство, как их облик: в нем срослись слова из речи пернатых и речи носящих кожаный покров — слова, вылетающие из клювов и из ротового отверстия. Он расслышал их говор, он смог мысленно построить этот язык, каким-то жутким образом рассекая и сращивая, как отделял бы от куртки половины кожаного нагрудника и связывал между собой: две половины мозга связывались тороками мысли.

— Смилуйтесь, — с трудом вымолвил он на этом диковинном, новом ему языке, — смилуйтесь... девы-птицы... птицы-девы... Смилуйтесь, добрые души... Этот человек — он тоже добрый...

Пощады, молил он униженно, слезно, отчаянно, пощады...

И молвила одна свистала:

— Он нас слышит!

— Слышу...

— Он понимает, что наш свист — это речь!

— Понимаю, свисталы, слышу, говорю... Этому языку научил меня повелитель змей, — добавил он по-птичьи. —

Не губите нас, мы заблудились, мы не хотим зла, — добавил он по-человечьи. — Я вас слышу, а вы меня, — повторил он на их наречии.

Словно бы лезвие рассекло ему мозг пополам и засело так, что соединяло обе половины.

Тогда свисталы перестали петь, собрались в круг и, склонив головы, принялись пересвистываться. Потом они приблизились к Артегаллу, и одна с сомнением, негромко просвистела:

— Мы отнесем тебя в надежное убежище, там переночуешь. Мы тебя не тронем. Слышишь?

— Слышу.

— И приятеля твоего отнесем. Он цел и невредим. Очнется.

Три пары когтистых лап подхватили Марка и понесли прочь. Артегалл почувствовал, как чешуйчатые лапы впились и в его меховые одежды, как он взмывает ввысь — холод проник под капюшон — и свисталы мчат его на север, в темную даль, где гуляет ветер. И больше он ничего не помнил.

Очнулся он в глубокой пещере подле яркого костра. Марк спал рядом, льдистый кокон его уже растаял. Женщины-птицы расселись на уступах по стенам и чистили хищными клювами серые перья. Они угостили Артегалла похлебкой в высокой крынке — горькой серой жижицей. Они окружили его и забросали вопросами: кто он, откуда. Артегалл рассудил, что лучше отвечать без утайки, и признался: он Артегалл, принц Харены. Когда в столичную гавань вторглась черная армада, он со своими спутниками бежал на север — в живых остались лишь он, его служанка Доль Дрозди и Марк. Там, на севере, если верить преданиям, правит родич его отца Хамраскир Квельд-Ульф, и Доль уверяла, что там они найдут надежную защиту от соглядатаев и убийц, подосланных Мормореей из Барбасанга, — но, может, северная держава всего лишь легенда, прибавил он с сомнением. Он слышал

о ней от Доль, когда она прятала его в корзине с грязным бельем. Доль клялась, что это чистая правда, но за время изнурительного пути уверенности поубавилось. Как знать, может, дальше и нет ничего — лишь ледяная пустыня да пляшущие холодные огоньки.

— Есть там такая страна, — произнесла свистала по имени Хванвит. — В долине среди ледяных гор, что лежит за этим краем. Называют ее по-разному: Хофгарден, Харреби, Веральден — Веральденом зовем ее мы. Испокон века там правят могущественные чародеи. Они умеют, когда пожелают, превращаться в волков и медведей и в этом обличье рыщут по бесплодным пустошам, обходят дозором рубежи своих владений, беседуют с духами ветра, слышат пришествие и отступление льдов. Оборотнями в Веральдене бывают только мужчины. Женщины долину не покидают, они учительствуют, прядут, ходят за садами и цветниками — все в долине да в долине. Нам же хотелось на волю, хотелось летать что есть духу, спорить с ветрами, бросить вызов снегам и мраку. Прельстив юнца, постигающего науку оборотничества, мы вызнали эти тайны, изготовили себе пернатое одеяние и ночью пустились летать с буйными ветрами. Покуда не взошло солнце, возвращались, пролетев над горной преградой, в долину, заплетали разметавшиеся волосы, надевали платья и туфельки и как ни в чем не бывало услаждали пением деревья в саду. Но нас выследили: сыскалась доносчица, и нам объявили, что мы себя опозорили. Разъяренная толпа сожгла наши платья перед городскими воротами, хотели было сжечь и нас. Мы вселили в их души опаску, уязвили рассудок их свистом, и все же они ославили нас негодяйками и нечестивицами и прогнали прочь, точно стадо гусей. Вот и живем мы здесь, где не живет ни одна живая душа, скрываемся от охотников и снежных орлов. Речи наши никто не слышит, и мы озлобились на весь свет. Ты первый, кто нас услышал.

Так они беседовали до глубокой ночи. Артегалл учтиво выслушал рассказ свисталы про их злоключения и изгнание, а потом вновь завел речь о своем: верно ли, что в Вераль-

Байетт А. С.

Б 18 Та, которая свистит : роман / А. С. Байетт ; пер. с англ. В. Фролова. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 608 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-25745-0

Долгожданный заключительный роман «Квартета Фредерики», считающегося, пожалуй, главным произведением кавалерственной дамы ордена Британской империи Антонии Сьюзен Байетт. Тетралогия писалась в течение четверти века, и сюжет ее также имеет четвертьвековой охват, причем первые два романа («Дама в саду», «Живая вещь») вышли еще до удостоенного Букеровской премии международного бестселлера «Обладать», а третий и четвертый — после.

Итак, Фредерика Поттер — бывшая йоркширская школьница и кембриджская выпускница, бывшая жена херефордширского сквайра, а теперь мать-одиночка посреди психоделического «свингующего Лондона» 1960-х — продолжает жить в окружении художников-бунтарей, писателей и поэтов. Преподавания в художественном училище и занятий литературной критикой ей уже недостаточно, и она ввязывается в новую авантюру: становится ведущей научно-популярной телепрограммы «Зазеркалье», каждым ее выпуском опровергая старую поговорку: «Женщине свистать — что насадке летать: тоже негоже». Тем временем устроенная Северо-Йоркширским университетом всеохватная конференция «Тело и мысль» грозит обернуться студенческим бунтом, а в старинной усадьбе Дан-Вейл-Холл харизматичный проповедник, именующий себя Джош Агниц, учреждает натуральный манихейский культ...

Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

А. С. БАЙЕТТ
ТА, КОТОРАЯ СВИСТИТ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Виктор Ланчиков
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Светлана Федорова, Анна Марченко

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.10.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 37,24. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-34720-01-R